

и т. д. Словом, государство ставит свое отношение к преступнику в рамки добросовестного коммерческого оборота, в чем и состоят т. н. уголовно-процессуальные гарантии».

Развивая мысль Е.Б. Пашуканиса, в конечном итоге можно прийти к выводу, что преступник знает то количество своей свободы, которое он заплатит в результате судебной сделки, и идет на нее вполне осознанно. А если так, то можно ли в такой ситуации говорить о достижении таких целей уголовного закона как перевоспитание (исправление) преступника или возмездие?

Здесь нужно сказать, что сам Е.Б. Пашуканис выход из сложившейся ситуации видел в смене подхода от наказания как возмездия/воздаяния к наказанию как целесообразной мере защиты общества и исправлению социально опасной личности. По его мнению, «последовательное проведение принципа охраны общества требовало бы не зафиксирования отдельных составов преступления (с чем логически связана мера наказания, определяемая законом или судом), но точного описания симптомов, характеризующих общественно-опасное состояние, и разработки тех методов, которые нужно в каждом данном случае применять для того, чтобы обезопасить общество». К сожалению, дальше обозначенных перспектив в своих рассуждениях на данную тему ученый не идет, однако отмечает, что это возможно лишь при ликвидации существующих товарно-правовых отношений и, в конечном итоге, отмирании юридической надстройки.

Примечательно, что многие из обозначенных вопросов (цель уголовного закона, виды наказаний и их пределы) не решены в теории уголовного права и на сегодняшний день. Возможно, оригинальные, но незаслуженно забытые идеи Е.Б. Пашуканиса позволят ученым-правоведам взглянуть на них под иным углом.

УДК 343.9

А.С. Горецкий

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ БОРЬБА С ОТДЕЛЬНЫМИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализируя основные задачи, стоящие перед правоохранительными органами Республики Беларусь, можно прийти к выводу, что их борьба с коррупционными преступлениями, совершаемыми должностными лицами, выступает одним из наиболее приоритетных направлений деятельности на современном этапе развития белорусской государственности.

В этой связи особый научный интерес представляет изучение исторического опыта борьбы с вышеуказанным видом преступности, так как данный аспект является объективной предпосылкой для надлежащей оценки текущего состояния, а также разработки перспективных направлений развития антикоррупционного законодательства и практики его дальнейшего применения.

На наш взгляд, основополагающие идеи борьбы с использованием чиновничеством своих служебных полномочий в девиантной форме и установления за это ответственности впервые нашли свое законодательное отражение и подверглись своеобразной форме систематизации в основных исторических памятниках Беларуси XVI в. – Статутах Великого Княжества Литовского (1529, 1566, 1588).

Необходимо отметить, что именно в указанный период в ВКЛ, политико-экономическим центром которого являлась белорусская земля, происходят наиболее масштабные преобразования в политической, социальной и экономической сферах жизни. К сожалению, история свидетельствует, что экономический подъем, укрепление права собственности и развитие гражданско-правовых отношений неразрывно связаны с желанием власть имущих использовать свое положение для достижения собственных корыстных целей.

Исторический анализ показал, что в исследуемом периоде на фоне централизации ВКЛ происходит процесс усиления власти великого князя. Закономерным итогом вышеуказанной тенденции явилось возникновение в Статуте 1529 г. норм, которые в развитии конституционных основ об ограничении панами-радой полномочий князя, заложенных еще в грамоте Казимира (1447) и грамоте Александра (1492), строго регламентировали власть государя.

Так, согласно Статуту 1529 г. он должен был решать все дела только «для общей пользы» и с согласия панов-рады. Также можно отметить положение, закрепленное в ст. 25 разд. 1 «О парсуне господарской»: «Будучи в коруне Польской, не маеть господар никому ничого давати и привильев потверждати... штос я дотычеть купли, кождому у везде, и в панстве нашом, Коруне Полской, будучи, маем потверждати».

Однако не только правовой статус государя облекается в форму закона. Выступая верховным правителем и гарантом правопорядка, князь не только сам должен соблюдать закон, но и обязан заботиться о его соблюдении всеми должностными лицами и подданными государства.

В качестве яркого примера ограничения «вольностей шляхетских» и основания для привлечения привилегированного сословия к ответственности за совершенные преступления против порядка управления и правосудия можно привести требование, содержащееся в ст. 9 разд. 1 Статута 1529 г., о том, что «вси поданные наши, так вбогие, яко и богатые, которого роду колве або стану были бы, ровно а одностоайными писаными правом сужоны быти».

Особое внимание Статут 1529 г. уделял судебной системе. Законодатель обязывал судить в соответствии с буквой закона. В то же время ответственность за нарушение закона устанавливалась и в отношении самих судей: «Абы судили правом писаным, а естли бы судил иначей, маеть каран быти».

Впервые в Статуте 1529 г. появился раздел «О обороне земской», который содержал прямое указание на запрет совершения военачальниками (воинскими чинами) коррупционных преступлений в форме взяточничества.

Необходимо отметить, что к середине XVI в. в княжестве произошли значительные изменения в социально-экономической и политической сферах жизни общества. Однако по-прежнему важное значение при разработке и принятии Статута 1566 г. имели идеи и взгляды, ограничивающие власть правителя, регламентирующие законодательный процесс и устанавливающие верховенство писаного права.

Как и в предыдущем законе, полномочия князя строго регламентировались правовыми нормами Статута 1566 г.: «господар» не мог без разрешения сейма решать такие важные вопросы, как устанавливать новые налоги, издавать новые законы и т. д.

Также впервые наметилась тенденция отделения судебной системы от органов власти и управления. Прогрессивными антикоррупционными чертами этой системы были всесословность отдельных судов (Главный суд, замковый суд), выборность большинства членов судов и высокие требования морального и профессионального характера кандидатов на должность судьи.

В Статуте 1566 г. более полно регламентировалась компетенция органов государственной власти и управления, деятельность которых была основана на общих принципах феодального права.

Проводя анализ правового положения должностных лиц по Статуту 1566 г., можно сделать вывод, что законодатель для установления ограничений, направленных на снижение в их действиях коррупционной составляющей, использует, как правило, своеобразную форму морального воспитания в виде клятв и обязанностей соблюдать закон (разд. 4 «О судьях и о суждехъ»).

Третий Статут 1588 г. по своей теоретической и практической направленности имел значительные преимущества в сравнении с первыми двумя Статутами. Он содержал не только сравнительно большее количество положений, касающихся в том числе установления антикоррупционных запретов и ограничений для должностных лиц, но и более совершенную юридическую терминологию. Практически во всех разделах Статута 1588 г. уделялось огромное значение уголовно-правовым нормам.

В положениях Статута 1588 г. ярко отражена идея правового государства, о чем свидетельствуют продекларированные в нем принципы конституционного характера: разделения властей, равенства всех свободных людей перед законом, судебной защиты и т. д.

Отдельно стоит отметить, что в Статуте 1588 г. прослеживается довольно явная, хотя еще не совсем совершенная классификация коррупционных преступных деяний, градация которой в большей степени основывалась на объекте преступного посягательства. Так, указанный вид преступности в основном содержался в первом («О персоне нашей господарской»), втором («О обороне земской») и четвертом («О судьях и судах») разделах.

Безусловно, все нормы передового для того времени закона пронизаны идеей усиления правового порядка. Все государственные органы и должностные лица обязаны были действовать только в соответствии с законом. Все свободные люди должны судиться только статутными нормами. Таким образом, провозглашался принцип верховенства права и соблюдения слугами государевыми любого ранга законности при выполнении возложенных на них обязанностей.

Принимая во внимание вышеизложенное, можем резюмировать, что уголовное законодательство ВКЛ XVI в. содержало прогрессивные правовые нормы антикоррупционной направленности, большинство из которых, без сомнения, значительно опережали свое время. Полагаем, что создание Статутов ВКЛ явилось одной из первых попыток законодательного закрепления ограничения злоупотреблений и превышения власти со стороны должностных лиц.

Однако, учитывая отсутствие в то время общепризнанной практики по делам, связанным с преступлениями против интересов службы, и развитой правовой культуры, Статуты ВКЛ в большей степени были нацелены решить проблему морально-этическими методами, чем путем создания и применения на практике антикоррупционных положений. При этом заслуживает внимание тот факт, что уже в исследуемом периоде законодатель обратил внимание на необходимость законодательного и нравственного разрешения одной из самых опасных проблем современного общества – коррупционной преступности. Именно поэтому, на наш взгляд, вышеуказанные прогрессивные положения и принципы, закрепленные в Статутах ВКЛ, стали основой для дальнейшего развития антикоррупционного законодательства и главными источниками при подготовке последующих актов.

УДК 340.1

А.В. Григорьев

УЧЕНИЕ О ПРИМЕНЕНИИ ПРАВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

В юридической литературе до сих пор не достигнуто единого понимания того, что представляет собой правоприменение, хотя указанная проблема не является новой. Она получила определенное освещение в дореволюционный, советский и современный периоды развития юридической науки. Однако до сих пор продолжаются дискуссии относительно того, рассматривать ли правоприменение в качестве особой формы реализации права наряду с соблюдением, исполнением и использованием; допустимо ли отождествлять правоприменение и правоприменительную деятельность; какова связь между правоприменением и принуждением. Кроме того, по мнению Ю.А. Тихомирова, существует необходимость разрешения ряда иных научных проблем правоприменения, среди которых: разработка критериев эффективности действия законодательства, способов прогнозной оценки проектов законов и других нормативных правовых актов; определение критериев, способов, методик эффективности применения правовых актов; повышение роли судебной практики в механизме правоприменения, разработка типологии юридических ошибок и нарушений законности, обеспечение более высокой эффективности различных